

подсчитать основные, второстепенные и третьестепенные различия между наречиями Италии, то и в этом крошечном закоулке мира пришлось бы дойти не то что до тысячи, но и до еще большего множества различий.

XI.

Поищем же в этом многочисленном разнообразии разноголосой италийской народной речи достойнейшую и блистательную италийскую речь, а для того, чтобы иметь возможность проложить в наших поисках удобную тропу, очистим сначала лес от спутанных кустов и терновника. Итак, раз римляне полагают, что их надо ставить впереди всех, мы с полным основанием поставим их в этом искоренении на первое место, возражая против того, чтобы их не затрагивали при каком бы то ни было обсуждении народного красноречия. И вот мы утверждаем, что речь римлян – не народная, а, скорее, убогая – безобразнее всякой другой итальянской народной речи; да это и не удивительно, потому что и уродством своих обычаев и одежды они явно отвратительнее всех остальных. Вот они говорят: «*Mezzure, quinto dici?*» После них выдерем жителей Анконской марки, говорящих: «*Chignamente, frate, sc-tate?*»; с ними вместе отбрасываем и сполетанцев. И нельзя умолчать, что в насмешку над этими тремя племенами придумано множество канцон; среди них мы знаем одну правильно и отлично сложенную; сочинил ее некий флорентиец, по имени Кастра; начинается она так:

*Una fermata scopai da Cascioli,
Cita cita sen gia'n grande aina.*

После них выpoleм миланцев и бергамцев вместе с их соседями, в насмешку над которыми, помнится, кто-то пел:

*Enti l'ora del vesper,
cit fu del mes d'ochiover.*

После них отвеем аквилейцев и истрийцев, резким голосом изрыгающих: «*Ces fastu?*» И с ними вместе выбрасываем мы горные и деревенские говоры, как, например, казентинские и фраттские, неправильностью ударений звучащие явно вразрез с произношением горожан. Выбросим также сардинцев (как неиталийцев, но которых, видимо, приходится причислять к италийцам), поскольку единственно у них нет собственной народной речи и они подражают латыни, точно обезьяны людям; ведь они говорят «*domus nova*» и «*dominus meus*».

XII.

Несколько отшелушив местные итальянские наречия и произведя сравнение между оставшимися в сите, отберем поскорее более почтенные и почетные. И первым делом обследуем сицилийские особенности; ибо сицилийская народная речь явно притязает на преимущественную перед другими честь, потому что всякое стихотворение, сочиняемое итальянцами, именуется сицилийским и потому что многие тамошние мастера пели возвышенно; вот, например, в таких канцонах: «*Anchor, che l'aigua per lo focho lassi...*» и «*Amor, che lungiamento m'ai menato*». Но эта слава Тринакрийской земли, если правильно усмотреть, на что она направлена, осталась, очевидно, лишь на поношение итальянских государей, которые поступают в своей гордыне не как герои, а как простолюдины. Действительно, славные герои – цезарь Фредерик и высокородный сын его Манфред, являвшие благородство и прямодушие, пока позволяла судьба, поступали чело-вечно и презирали невежество. Поэтому, благородные сердцем и одаренные свыше, они так